

Так, в изображении зверей нередко чувствуется стремление передать силу внутренней экспрессии, свойственную искусству варваров. Однако в отличие от других сюжетов, выработанных под варварским влиянием, «звериный стиль» в исполнении греческих мастеров потерял характерное для него высокое самобытное и художественное достоинство и поэтому не внес существенного вклада в развитие искусства Северного Причерноморья (куль-обский олень)⁴⁰.

Итак, в IV—II вв. приднепровско-побужские племена, как и в предшествующий период, более активно, чем их западные и восточные соседи, поддерживали тесные экономические связи с греческими городами. В этом одна из главных особенностей экономического развития племен изучаемой территории, где сильным контрагентом в торговле с греками становятся степные племена во главе с царскими скифами, высокое благосостояние которых обеспечивалось скотоводческо-земледельческими хозяйствами подвластных им племен. Особенно большой размах торговля получила в IV в., в период наиболее благоприятных условий для расцвета экономики и культуры окраинных античных государств — Сицилии, Карики, Македонии, а также Боспора, города которых поддерживали тесные экономические связи с негреческими сельскохозяйственными территориями. Оставаясь во многом самобытными, приднепровско-побужские племена не избегали сильного эллинистического влияния, что сближает их с некоторыми меотскими племенами Прикубанья. Эти черты свойственны главным образом знати степного Приднепровья, что свидетельствует о более высоком уровне ее развития по сравнению с племенами Среднего Приднепровья. Последние слабее реагировали на греческое влияние, хотя именно им принадлежит заслуга в установлении и развитии торгового обмена в период возникновения на северном побережье Черного моря эмпориев и городов⁴¹.

В III—II вв. до н. э. прослеживаются тесные экономические связи Ольвии с населением Днепровско-Бугского лимана и Нижнего Приднепровья. Внимание же Боспора к обитателям Приднепровья и Побужья в это время, по-видимому, сильно ослабевает за счет более тесного экономического сотрудничества с подвластными ему территориями, особенно с азиатской стороной, на границе которой, кроме ранее существовавших центров, живет полнокровной жизнью Танаис⁴². Кроме этого, Боспор налаживает интенсивную торговлю со скифским государством в Крыму. В последующий период, после гибели поселений ольвийской хоры, связанной с наступлением сармат, Ольвия, стремясь поправить свои торговые дела, возобновляет контакт с земледельческими поселениями Нижнего Приднепровья. В первой половине I в. до н. э. ее разрушают геты, затем по желанию скифов она вновь была восстановлена, хотя и в более скромных размерах. Как видим, Ольвия всегда, начиная с первых контактов греков с северочерноморскими варварами, неизменно обращалась к различным племенам Приднепровья и Побужья, проявляя при этом гибкость как в выборе сфер своего влияния, так и в выборе ассортимента импортируемых ею товаров. Торговая же деятельность Боспора с Приднепровьем и Побужьем в изучаемый период распространялась только на территорию среднего и особенно нижнего течения Днепра. Она была также более кратковременной, чем торговля Ольвии, но в то же время и более активной в отдельные периоды. Создание уникальных произведений торевтики при этом внесло огромный вклад в историю развития античного искусства. Возможно, это была первая попытка боспорской монополии на торевтику в протоэллинистических государствах⁴³, подобно тому как позднее имела место монополия царских эргастериев пергамских царей, изготовлявших роскошную «парчу Атталидов»⁴⁴.

Н. А. Онайко

⁴⁰ Блаватский, Воздействие античной культуры..., стр. 27; М. И. Артачкерноморья, Л., 1968, стр. 9.

⁴¹ Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье...

⁴² Д. Б. Шелов, О времени основания Танаиса, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», М., 1968, стр. 300.

⁴³ В. Д. Блаватский, Античный город, М., 1963, стр. 17.

⁴⁴ Блаватский, О боспорском ремесле..., стр. 52; он же, Пантикапей, стр. 69.

ECONOMIC TIES OF THE NORTH BLACK SEA CITIES WITH THE TRIBES OF THE DNIEPER AND BUG REGIONS IN THE FOURTH TO SECOND CENTURIES B. C.

by N. A. Onaiko

Trade relations with the Greek cities of the North Black Sea coast, especially with Bosphorus and Olbia, provided one of the chief stimuli for the remarkable economic development of the Scythian tribes inhabiting the Dnieper and Bug regions in the period when these tribes were evolving state institutions. The Scythians imported at that time a great quantity of Greek commodities: clay pottery, metal utensils, beads and other artifacts. In their turn the Scythians sold to the Greeks slaves, grain, cattle, the products of stock-raising and other characteristic products of cattle-raising and agricultural tribes. The organisation of this trade was largely determined by the fact that it was conducted by Greek slaveowners mainly with the Scythian nobility, who exploited their own population and among whom the ancient tradition of barter exchange still persisted. The trade conducted with the Scythians by Bosphorus and Olbia in the fourth to second centuries was accompanied by a deeper-going reciprocal influence, not everywhere manifested in the same degree. Analysis of the decorative products of Bosporan toreutics suggests the presence of certain Hellenistic elements in the religious ideas of the tribes living along the middle and especially the lower courses of the Dnieper. Commercial exchange was also accompanied by considerable barbarian influence on the Greeks. This influence may be seen in the expansion of the economic and political role of the cities along the North Black Sea coast and in the growing importance of local elements in the populations of these cities, especially of Bosphorus. Scythian cultural influence on the Greeks is particularly clear in Bosporan art, in products of the toreutic art of the fourth century. This was a period when conditions for economic and cultural growth were most favourable in all the peripheral regions of the ancient world — in Sicily, Caria, Macedonia, and also in Bosphorus.

О ФОРМАХ ЗАВИСИМОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РИМСКОЙ ГАЛЛИИ I—III вв.

(По эпиграфическим и археологическим данным)

В условиях рабовладельческого способа производства, как известно, главной отраслью производства было сельское хозяйство. Поэтому определение социального состава работников, занятых в сельском хозяйстве, очень важно при изучении особенностей рабовладельческого строя в тот или иной период его развития в отдельных странах древнего мира.

Тема настоящей статьи не была еще предметом специальных исследований, хотя и получила известное отражение в работах зарубежных и советских ученых¹. Противополо-

¹ C. Jullian, *Histoire de la Gaule*, IV, P., 1914, V, 1920; A. Grenier, *La Gaule romaine*, в кн. ESAR, III, Baltimore, 1937; он же, *Le Manuel d'archéologie gallo-romaine*, deuxième partie (вышла как т. IV книги: J. Dechelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine*), P., 1934 (далее — Grenier, *Manuel*, II); он же, *Habitations gauloises et villas latines dans la cité des mediomatriges*, P., 1906; Е. М. Штаерман, *О крестьянстве в западных провинциях Римской империи*, ВДИ, 1952, № 2, стр. 100—121; она же, *Кризис в западных провинциях Римской империи*, М., 1957; она же, *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи*, М., 1961; она же, *Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике*, М., 1964; А. Р. Корсунский, *О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV — V вв.*, ВДИ, 1954,

речивыми оказались суждения исследователей не только о существовании вопроса ², но и о самой возможности его решения при специфическом характере имеющихся источников ³.

Источниками для изучения нашей темы служат надписи и данные археологии. Нарративных памятников, освещающих вопрос, нет. Хотя эпиграфические свидетельства сравнительно редки и лаконичны, а вещественные материалы при всей значимости в большинстве дают, к сожалению, основания лишь для догадок, все же попытка выяснить социальный состав работников, занятых в сельском хозяйстве Галлии I—III вв., представляется возможной.

В настоящей статье использованы главным образом надписи XII и XIII томов CIL ⁴, собрание барельефов и статуй римской Галлии ⁵, археологические материалы, опубликованные в журнале «Gallia» и других изданиях.

Обратимся прежде всего к тем источникам, которые позволяют судить о применении рабского труда в сельском хозяйстве.

Надписи называют в качестве управляющих частными имениями вилков и акторов, которые, как правило, по своему социальному статусу были рабами ⁶. Данные о таких акторах и вилках чаще встречаются в надписях Лугдунской Галлии. Одна из них представляет собой посвящение богам Манах Примитива, «актора этих владений» (*actoris praediorum hor(u)m*) ⁷. Из общины амбарров происходит надгробная надпись

№ 2, стр. 47—69; А. П. Каждан, О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 77—106; М. Е. Сергеев, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958; она же, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964.

² К. Жюллиан говорит о широком использовании рабов в сельском хозяйстве Галлии и отождествляет здешние рабовладельческие отношения с римско-италийскими (*Jullian*, ук. соч., IV, стр. 372; V, стр. 175). А. Гренье утверждает, что домен содержал людей всех социальных сословий: рабов, рабов-держателей, вольноотпущенников, колонов, свободных людей, и вопрос лишь в том, какой способ эксплуатации был господствующим в каждой из областей Галлии (*Grenier, Manuel*, II, стр. 887, 932). М. Е. Сергеев («Очерки по сельскому хозяйству древней Италии», стр. 169—172) считает, что в области земельных отношений римской Галлии была широко распространена клиентская форма зависимости, которая не только не исчезла с римским завоеванием, но целиком была воспринята римско-италийскими пришельцами. Е. М. Штаерман («Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи», стр. 166—197) дала дифференцированную картину рабовладения в Галлии, однако и для нее интересующий нас вопрос не стал предметом специального исследования.

³ Так, некоторые буржуазные ученые, посвятившие немало исследований галло-римским виллам, оставляют открытым вопрос о людях, которые в них работали, пытаются обосновать это специфичностью источников, в частности археологических. Так, например, по выражению Лицера, значение археологии, хотя она и внушает большие надежды, ограничено, так как ее данные никогда не позволяют историку добраться до главного его объекта — человека (*G. Lizerand, Le regime rural de l'ancienne France*, P., 1942, стр. 18). Бельгийский историк Мейер отмечает, что изучение галло-римских доменов, по сравнению с виллами, едва только вышло из подготовительной стадии (*R. de Maeyer, De Romeinische villa's in Belgic, «Archeologische studies, Antwerpen*, 1937, стр. 305).

⁴ CIL, XII: *Inscriptiones Galliae Narbonensis latinae*, ed. O. Hirschfeld, Berolini, 1888; CIL, XIII: *Inscriptiones Trium Galliarum et Germaniarum latinae*, ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister, O. Bonn, Berolini, 1899—1907.

⁵ Е. Есперандиен, *Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine*, II — XIII, P., 1908—1949. В числе использованных — некоторые свидетельства, относящиеся к Верхней и Нижней Германии: искусственно выделенные римским правительством в военно-политических целях, эти провинции по существу составляли определенное социально-экономическое и этническое единство с Галлией.

⁶ Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, стр. 82. Следует заметить, что в некоторых случаях термины «вилл» и «актор» могут означать рабов-арендаторов имений — см. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 189.

⁷ CIL, XIII, 2243; см. также «Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи», подбор, перевод и комментарий Е. М. Штаерман, под ред. Ф. А. Петровского (далее — ИЛН), № 84, ВДИ, 1955, № 2.

в честь Валентина, управляющего имением Амматиакон: D. M. Memorie eterne Valentinus actor fundi Ammatiacy b(onorum) F(l)avi Stratonis... Sacrobena coniux et Valerius fili(us) ponendum curaverunt⁸. Надпись замечательна еще и тем, что называет фундус Амматиак как часть домена Флавия Стратона. Следовательно, имение последнего было велико и для удобства эксплуатации дробилось на более мелкие части, каждая из которых должна была иметь своего управляющего. Такая практика дробления типична для рабовладельческого хозяйства — она обеспечивала эффективный надзор за работниками, необходимый для достижения максимума производительности их труда. Из надписи видно, что актор имел семью: надгробие ему поставили жена Сакробена (судя по имени, тоже рабыня) и сын.

В области сенонов, в Лугдунской же Галлии, найден надгробный памятник, на фронте которого изображен владелец виллы, на одной из боковых сторон — человек с табличками в руках (видимо, управляющий, актор или вилик), на другой — земледелец-жнец с серпом в правой руке⁹. Такое сочетание изображений позволяет судить о хозяйственном характере виллы, без сомнения, земледельческой, и о зависимом положении земледельца, работавшего в имении под контролем вилика. Но был ли он рабом? Ведь под началом вилика могли работать не только рабы. Более точно ответить на этот вопрос памятник не позволяет.

Тем не менее перечисленные выше примеры свидетельствуют о наличии в Лугдунской Галлии частных рабовладельческих имений, так как институт надзора через рабов-виликов и акторов связан с типично рабовладельческой формой эксплуатации труда, хотя он и не исключает вовсе того, что в домене помимо рабов использовались и другие работники, имели место иные формы зависимости. Об этом достаточно ясно свидетельствует Катон (*De agri cult.*, 4; 5 (4)). Примеры подобной практики на почве Галлии будут приведены ниже.

Упоминания о виликах и акторах встречаются в надписях Аквитании, Белгики и Нарбонской Галлии.

В Аквитании в области конвенов на правом побережье Гаронны обнаружено посвящение Юпитеру, сделанное рабом Сабинианом, актором Павлиниана: IOM Sabinianus ser(vus) actor Pauliniani n(os)t(ri) vslm (CIL, XIII, 66). Имя Павлиниана сопровождается притяжательным местоимением «наш». Очевидно, Сабиниан не единственный его раб и под надзором актора находились другие рабы.

В Белгике у нервиев надгробный памятник из окрестностей Багакума (Bavai) содержит надпись, посвященную виликом Квинтом Титием своему господину, исполнявшему должность дуумвира в этой общине (civitas), Тиберию Юлию Тиберину, чья вилла и имение находились, по всей вероятности, на территории, подчиненной городской юрисдикции: Tib. Iul. Tiberino II vir(o) Ner(viorum) Q. Titius vilicus lic¹⁰.

В этой надписи обращает на себя внимание имя вилика Квинт Титий, — видимо, преномен и номен отпущенника, происходящие, однако, не от имени его нынешнего господина. Неясно для перевода и слово lic. Оно может означать искаженное licet, или сокращенное licitor. Первое предположение не вяжется с контекстом надписи. При втором допущении перед нами не вилик, а ликтор дуумвира. Слово Vilicus в этом случае должно рассматриваться как когномен. Полное имя, таким образом, будет читаться: Quintus Titius Vilicus. Когномен Vilicus, если наше предположение верно¹¹, отражает прежнее занятие нынешнего ликтора. Должность вилика стала его кличкой, перешедшей в когномен при отпуске на волю. Став отпущенником, он, видимо, променял деревенскую жизнь на городскую и предпочел надзору за подневольными людьми более легкие обязанности служащего при дуумвире. Но в любом случае перед нами вилик, в настоящем или прошлом, таким образом, и эта надпись тоже может рассматриваться как свидетельствующая о наличии рабовладельческой формы эксплуатации в общине нервиев.

⁸ CIL, XIII, 2533; ИЛН, 85, ВДИ, 1955, № 2.

⁹ *Esperandieu*, ук. соч., IV, № 2793.

¹⁰ CIL, XIII, 3572; ИЛН, 92, ВДИ, 1955, № 2.

¹¹ В ИЛН, 92 (ВДИ, 1955, № 2) слово lic. оставлено без перевода.

У медиоматриков одна надпись упоминает вилика Цельса, имевшего своих отпущенников: ... *Celsi vil(ici) lib(erta)*... (CIL, XIII, 4352). Таким образом, здесь вилик сам выступает рабовладельцем. В надписи CIL, XII, 2250 — из Нарбонской Галлии — упоминается некий Фронто, местный актер (*actor huius loci*).

Из надписей Нарбонской Галлии узнаем, что в некоторых случаях роль вилика не ограничивалась управлением имением. Так, в одной из надписей, обнаруженных между Вьенной и Августумом (*Aoste*), мы сталкиваемся с виликом, надзиравшим за кораблем: *vilicus navis* (CIL, XII, 2379). Встречаются граффити с именами виликов на амфорах из Августы Равриков, предназначенных для экспортирования рыбного соуса. Например: *G(arum) Hispa(num) Frontonis v(illici)* ¹². Эти примеры свидетельствуют о товарности частновладельческих хозяйств, основанных на рабовладельческих формах эксплуатации.

Помимо свидетельств о виликах, мы располагаем рядом надписей с упоминанием рабов и отпущенников из сельских местностей. Приведем некоторые из них.

Одна надпись из окрестностей Лугдуна (из села Сен-Жюст) представляет собой надгробное посвящение Хризероту, рабу Луция Новияна Виктора, сделанное вольноотпущенником того же господина: *D. M. Chr(y)seroti L. Noviani Victoris ser. L. Novianus Telesphorus fecit* (CIL, XIII, 2097). Надпись не указывает обязанности Хризерота и не объясняет, кем был его господин. Учитывая, однако, что надпись происходит из села, причем из Лугдунской (т. е. наиболее романизированной) провинции Галлии, не исключено, что речь идет о землевладельце и его *familia rustica* в лице упомянутых раба и отпущенника.

Из окрестностей же Лугдуна происходит еще одно надгробное посвящение, сделанное рабом Квинта Товтия Фортуната Евтихом своей жене Товтии Серотине: *D. M. et, Quieti aeternae Toutiae Serotinae Evtiches Q. Tout. Fortunati ser(vus) co[niugi]* (CIL, XIII, 2286). И тут мы имеем дело, по-видимому, с аналогичным явлением. Жена Евтиха, судя по ее имени, была отпущенницей того же самого рабовладельца. Однако отсутствие более точных указаний не позволяет нам, как и в первом случае, с уверенностью утверждать, что перед нами *familia rustica*.

В общине мандубиев, на сельской ее территории, найден памятник, посвященный рабами своему господину: ... *Mon ... Regulio servi* (CIL, XIII, 2888). Опять-таки не ясно, о каких рабах идет речь, сельских или городских.

Сравнительно часты подобные надписи в Аквитании и Нарбонской Галлии.

В Аквитании их чаще всего находят на территории общины конвенов. Одна из них, обнаруженная в восточной части этой общины, на побережье Гаронны, посвящена по обету Геркулесу Филетом, рабом некоего Помпея: *Philetus Pompei ser. Herculi vslm* (CIL, XIII, 152). Но сельский ли это раб? Геркулес, покровительства которого он ищет, не обладал выраженными атрибутами земледельческого божества (в противоположность, например, Сильвану) и почитался в качестве защитника тружеников вообще.

В той же общине, на правом побережье Гаронны, мраморный алтарь поставлен по обету рабом Квинта Юлия Бальба, Геминиом, некоему божеству Алгассу, по-видимому, не кельтского происхождения: *Algassi Geminus D. Iul. Balbi ser. v. s. l. m.* (CIL, XIII, 72) ¹³. В одном надгробии упоминается раб Сабинулы Монтан, поставивший памятник по обету: *Mont[anus] Sabinula[e] ser(vus) v. s. l. m.* (CIL, XIII, 119). Недалеко от местечка Ларивер, у конвенов же, раб посвятил по обету мраморный памятник богу Гарру за себя и своих сотоварищей рабов: *D[eo] Garri Geminus ser(vus) vot. s. l. m... et pro s(uis) conser(vis)* (CIL, XIII, 49) ¹⁴. За здоровье господ своих и близких поставил мраморный жертвенник по обету Фелициссим, раб Сирада, из местечка, расположенного

¹² Grenier, Manuel, II, стр. 616.

¹³ Имя *Algassus* не упоминается в словаре кельтских имен. См. A. Holder, *Alt-celtischer Sprachschatz*, I — III, Austria, 1961—1962.

¹⁴ Имя *Garrus* или *Carrus* (CIL, XII, 356: *Marti Carro*...) является кельтским прозвищем бога Марса (Holder, ук. соч., стр. 816).

между Лугдуном Конвенов и совр. Люпоном; *IOM pro salute dominorum suorum et suorum Felicissimus Siradi (ser.?) v. s. l. m. (CIL, XIII, 310)*. В надгробии из сельской местности близ Croix-de-l'Oraison (Аквитания) упоминается раб Сабина: *[S]ab[i]n(i) ser(vus) (CIL, XIII, 249)*. У атурензов (Aire-sur-Adour) Берулий, раб Тиция Сабиниана, во исполнение обета, поставил посвящение Марсу Лельхуцну за себя и своих: *Marti Lelhunno Berulius Tici (i) Sabiniani ser(vus) pro se et suis v. s. l. m. (CIL, XIII, 422)*.

Приведенные надписи из общины конвенов не позволяют, следовательно, непосредственно судить о принадлежности упоминающихся в них рабов к *familiae rusticae* и утверждать, что они были заняты в сельском хозяйстве. Однако, если учесть засвидетельствованное (как показано выше) эпиграфическими данными наличие в этой же общине рабовладельческого имени, управлявшегося актором, то сравнительно частое упоминание рабов для сельской территории конвенов не покажется случайным: в этой области рабовладельческая форма эксплуатации получила наиболее широкое развитие.

Подобного же рода надписи нередко встречаются и в Нарбонской Галлии. Надгробный памятник, обнаруженный на равнине между Роной и Друенцией к востоку от Арелаты, был поставлен по обету рабом Алфием после его освобождения гением его господ, Макра и Лициниана Анниев: *Genio Annior(um) Macri et Liciniani Alphios ser(vus) ex voto post lib(ertatem) (CIL, XII, 619; ИЛН, № 519, ВДИ, 1956, № 1)*. Здесь в принадлежности Алфия к *familia rustica* сомнение вызывает факт отпуска на волю, редкий среди сельских рабов. В общине воконтиев, на сельской ее территории, открыто надгробие рабу Ахиллею: *D. M. Achillei ser. (CIL, XII, 1600)*. В окрестностях Немавза надгробная надпись посвящена рабу Эроту: *D. M. Eroti servo optimo Iulia Advena p(osuit) (CIL, XII, 5920)*. В последних двух случаях надписи не содержат никаких указаний на то, что упомянутые в них рабы занимались сельскохозяйственным трудом. В надгробии, найденном между Августумом и Леманским озером, есть упоминание *familiae [he]reditari(ae)...* (CIL, XII, 5873).

Открытая на морском побережье между Нарбоном и границами Испании надгробная надпись посвящена отпущеннице Рустикании: *D. M. Rusticaniae L. lib. co... (CIL, XII, 5363)*. В этой надписи обращает на себя внимание имя отпущенницы, которое напоминает кличку, происходящую от слова *rustica*, т. е. крестьянка. Возможно, будучи рабыней, она выполняла земледельческие работы. Аналогичный случай мы имеем в надписи, обнаруженной в маленькой вилле в окрестностях Апты: *T. Iulius Colonus sibi et Secundinae Festonis f. uxori suisque vivos fecit (CIL, XII, 1129)*. Слово «*colonus*» может означать собственно «колон» или рассматриваться как когномен. В данном случае второе предположение более вероятно. Когномен *Colonus* — не имя собственное, но кличка, происходящая от рода занятий раба или полученная им при отпуске на волю, когда он был наделен земельным участком и превратился таким образом по своему социальному статусу в колона. Видимо, перед нами бывший раб-земледелец.

Возможно, земледельцем или пастухом был Примигений, раб Виктора, во исполнение обета поставивший посвящение богу Сильвану: *Silvano Au[g]. Primigeniu[s] Victoris s(ervus) v(otum) s(olvit) (CIL, XII, 1834, из Вьенны)*. Наше предположение основано на том, что бог Сильван, считавшийся покровителем леса, скота и земледелия, был особо почитаем среди рабов и простых сельских тружеников, в частности пастухов и земледельцев ¹⁵.

В Белгике, близ современного местечка Фёрен (Föhren), родители мальчика-раба поставили ему надгробный памятник с надписью и барельефным изображением ребенка, ласкающего собаку ¹⁶. Не исключено, что перед нами пастушеская семья ¹⁷, а изображение собаки, возможно, символизирует пастушескую профессию.

В этой связи сохлелся на другой подобного рода надгробный памятник, происходящий из окрестностей Новиумага Неметов (совр. Шпейер). Надпись на нем, посвящен-

¹⁵ Ш т а е р м а н, Мораль и религия..., стр. 114, 117, 122.

¹⁶ CIL, XIII, 4199: *Primuli infantis Sequentis et Primule (sic) filio servo*.

¹⁷ О семьях рабов-пастухов см. С е р г е е н к о, Жизнь древнего Рима, стр. 275; ср. V a r r o, De re rustica, II, 1 (26).

ная десятилетнему Перегрину, рабу Гая Юлия Нигеллиона ¹⁸, сопровождается изображением мальчика с посохом в руках и собаки, стоящей рядом с ним. В данном случае нет сомнения, что речь идет о рабе-пастухе.

Анализ приведенных надписей, происходящих из сельских местностей и упоминающих рабов, показывает таким образом, что только очень немногие из них позволяют с уверенностью относить упомянутых в них рабов к действительно занятым в сельском хозяйстве (а не местным ремесленникам, домашним слугам, рабам из *familia urbana* и т. п.). С другой стороны, учитывая относительно большое количество подобных надписей, нам представляется возможным заключить, что такое обстоятельство не случайно, оно свидетельствует о развитии в соответствующих *civitates* Галлии рабовладельческих отношений, в том числе и в сельском хозяйстве (особенно показателен пример общины конвенов в Аквитании, принадлежавшей к числу наиболее романизированных).

Важное значение имеют надписи о вольноотпущенниках, найденные в сельских местностях.

В Аквитании такие надписи встречаются опять-таки чаще всего в общине конвенов, где мы отметили наличие частновладельческих рабовладельческих хозяйств. Это преимущественно посвящения вольноотпущенников богам или своим прежним господам. Одно из них поставлено в честь Меркурия отпущенником Ингенуи ¹⁹. Второе — Марсу Лехерену отпущенником Публия Бамбиксом во исполнение обета ²⁰. Третья надпись посвящена Марком Юлием Геминем во исполнение обета, за здоровье господ ²¹.

Подобные же надписи мы встречаем и на землях битуригов-кубов ²².

Особенно много надписей из сельских местностей с упоминанием отпущенников встречается в Нарбонской Галлии, в окрестностях Немавза, и на территории между Немавзом и другими городами (CIL, XII, 3712, 5932, 5841). В селе Мейн — между Уцетией (совр. Uzès) и Немавзом — найдено надгробие, которое поставил своей госпоже Рутилии Марцелле, дочери Луция, ее отпущенник Евтих (CIL, XII, 3001). В той же местности два отпущенника, Фабий Евход (Euhodus) и Фабий Онезим, поставили надгробный памятник своему господину Луцию Фабия Гигину (Huginus) (CIL, XII, 3008). Своим господам, Цецилии Педуллине, дочери Тита, и Луцию Коминию Кастовиру, поставлен надгробный памятник между Немавзом и Остией-на-Родане отпущенниками Титом Цецилием Глиптом и Цецилией Аппе (CIL, XII, 4061). Там же отпущенник Виталис поставил надгробие своей соотпущеннице и сожительнице Сервилии Адъекте (CIL, XII, 4076). Титу Аврелию Нерве поставил памятник его отпущенник Фавст (CIL, XII, 4079). Между Немавзом и Секстантином встречаем скромные надгробия, посвященные: одно отпущеннице Нундина Италии (CIL, XII, 4161), другое — отпущеннице Флавия Мартии, поставленное ею самой еще при жизни (CIL, XII, 4171).

В надписи, обнаруженной в Нарбонской Галлии — в районе между берегом моря и рекой Вердоном, — упоминается отпущенник Тита Домиция Педулла, исполнявшего в Арелате все почетные должности ²³. Как магистрат Тит Домиций Педулла был, конечно, местным землевладельцем. Можно предполагать, что в его имении использовался труд рабов и отпущенников. К той же местности относится памятник с посвящением вольноотпущеннику Луцию Магию Недиму ²⁴.

В прибрежной местности между Форумом Юлия и Массилией найдено посвящение Гаю Терентию Фуску, поставленное его наследником Гнеем Турпиллием Стефаном и отпущенником Ктетом ²⁵.

¹⁸ CIL, XIII, 6109: Peregrinus C. Iuli Nigellionis ser(vus) ann. X. h. s. l.

¹⁹ CIL, XIII, 244: Merc. Masculus Ingenuae l. vslm.

²⁰ CIL, XIII, 109; Leheren, Marti Bambix Publi lib. vslm.

²¹ CIL, XIII, 144: ..pro salutae (sic) dominorum M. Iulius Geminus vslm.

²² CIL, XIII, 1368: Vimpuro Firmi lib...

²³ CIL, XII, 349: T. Domit. L. f. Ter. Pedullo arelatensi omnibus honorib. in colonia sua functo Evtichon libertus.

²⁴ CIL, XII, 322: L. Magio L. liberto Ned[y]mo.

²⁵ CIL, XII, 394: C. Terentio Fusco Gn. Turpilius Sthepanus heres et Chtetus libertus.

Несколько аналогичных надписей происходят из общины воконтиев. Так, в окрестностях *Lucus Augusti* (*Luc-en-Diois*) и *Dea Augusta Vocontiorum* (*Die*) отпущенник Гая Целия Гермагора и Венезии Атициллы Гай Венезий Эпафродит поставил, согласно обету, посвящение Юпитеру (CIL, XII, 1563). Некоторые посвящения сделаны отпущенниками своим патронам (CIL, XII, 1581). Филумена, очевидно рабыня, поставила надгробие своему сыну Хармиду, отпущеннику Аттии (CIL, XII, 1611). В восточной части общины воконтиев найден алтарь, посвященный Фортуне отпущенником Марины Гедоном во исполнение обета (CIL, XII, 1525). Здесь же открыто надгробие Викторина, сына Могета и Нигрины, поставленное их отпущенницей и наследницей Мариной (CIL, XII, 1547). Два посвящения из Нарбонской Галлии поставлены отпущенниками богиням-Матерям²⁶. Они, возможно, свидетельствуют о причастности упомянутых отпущенников к сельскохозяйственной деятельности, поскольку богини-Матери почитались прежде всего как покровительницы земледелия.

Надгробия отпущенников находят в сельских местностях у вольков-арекомиков. Одно из них поставлено Марией Квинтиной (по-видимому, местной собственницей)²⁷. Квинту Марию Дубитату, лучшему отпущеннику. Другое — отпущеннику его патроном²⁸.

На территории между Вьенной и Грацианоподем обнаружен саркофаг отпущенника Секста Солия Демосфениана с посвящением от имени его дочери, жены и соотпущенника Олимпиодора²⁹. По-видимому, Секст Солий Демосфениан был землевладельцем: саркофаг его обнаружен на сельской территории, где, вероятно, располагалось его имение. Естественно, этот бывший раб, мог использовать в своем хозяйстве рабский труд, тем более, что речь идет о Нарбонской, наиболее романизированной провинции Галлии.

Ряд скромных надгробий, посвященных отпущенникам, найдены между Вьенной и Валентией на побережье Роны³⁰, между Вьенной и Августумом (*Aoste*)³¹, Нарбоном и Толозой³², в окрестностях Апты³³, Арелаты³⁴, между Форумом Юлия и Массилией (CIL, XII, 5760), Августумом и Леманским озером³⁵.

В Белгике и прирейнских областях также можно встретить на сельских территориях подобные надписи, посвященные отпущенникам или упоминающие их, но значительно реже. Одна из них, например, представляет собой посвящение богине Нарин, поставленное отпущенником Фероксом (CIL, XIII, 5161). Отпущенник Сильвана Серен и свободнорожденный Меддугнат, сын Атегния, сельчане из вика Солимариака, воздвигают алтарь Юпитеру³⁶.

Приведенные выше надписи об отпущенниках, точно так же как и надписи о рабах, редко свидетельствуют непосредственно об использовании рабского труда в сельском хозяйстве. Однако сам факт относительно частых упоминаний вольноотпущенников в надписях из сельских местностей некоторых общин показателен для уровня развития рабовладельческих отношений в этих общинах и позволяет предполагать эксплуатацию рабов в сельском хозяйстве.

Следует отметить для Белгики заключение А. Карнуа, основанное на исследовании данных топонимики: название некоторых сел — Либертнакум — восходит к рим-

²⁶ CIL, XII, 1306: *Matrabus Sex. Co[ell]ius Nigri lib(ertus) Ingenuus vslm; 1309: Matrabus vslm Euneos Sex. Afrani l(ibertus)*.

²⁷ CIL, XII, 2858: *D. M. Q. Marii Dubitati Maria Q. filia Quintina liberto optim(o);* ср. 2916.

²⁸ CIL, XII, 2723: *D. M. patronus [lib]ert. optimo.*

²⁹ CIL, XII, 2181: *Sext. Solli Demostheniani Solli Demostheniane filia... et Thae-dotia Basilissa coniux...et Sollius Olympiodorus conliberto...*

³⁰ CIL, XII, 1808: *M. Sextio Primi lib. Attico.*

³¹ CIL, XII, 2360: ... imo m..o liberto...

³² CIL, XII, 5372: *V. I. Cornelius sibi et Rutiliae Exoratae.*

³³ CIL, XII, 1134: *Onesimus Q. Licinio Q. lib. Onesimo...*

³⁴ CIL, XII, 5799; *Q. Cornelio Q. l. Pilocle.*

³⁵ CIL, XII, 2450: *Q. Clodius Q. lib. Potitus vslm.;* там же, 2565.

³⁶ CIL, XIII, 4681: *Iovi O. M. vicani Solimariacenses faciendum curaverunt Meddug-natus Ategniae f. et Serenus Silvani lib.*

скому времени и происходит от слова *libertus*, а это означает, что некогда они были заселены вольноотпущенниками³⁷. Очевидно, в соответствующих районах Белгии имелись хозяйства, основанные на рабском труде. Поселение отпущенников на сельской территории было следствием предварительного наделения их земельными участками и превращения таким образом в колонов.

Обратимся теперь к рассмотрению данных археологии и выясним, в какой степени они могут свидетельствовать об эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве.

Отметим, прежде всего, что в некоторых районах Галлии открыто большое число вилл. Если учесть, что эти виллы, как правило, по своему устройству, соотношению величин господского дома, усадьбы, имения и другим признакам во многих случаях аналогичны римско-италийским, становится очевидным, что виллы и их распространение на галльской почве сами по себе свидетельствуют о романизации той или иной области Галлии и в известной степени отражают развитие рабовладельческих отношений.

Места расположения открытых вилл показывают, что больше всего их было в Нарбонской Галлии в долинах Гаронны и Тарна, особенно в окрестностях Толозы (деп. Верхняя Гаронна)³⁸, Нарбона и совр. Каркассона, в долине Ода (д. Од), в дельте Роны (д. Устье Роны)³⁹, т. е. в наиболее плодородных землях, связанных речными или сухопутными дорогами с городскими центрами.

В Аквитании такие виллы чаще всего обнаруживаются при раскопках в ее юго-западных областях, в окрестностях Бурдигалы (д. Жиронда)⁴⁰, в области аусков (д. Жер)⁴¹. В Лугдунской Галлии много вилл в долинах Роны (р. Рона)⁴², Соны и Луары (д. Сона и Луара)⁴³, в области сенонов (д. Йонна)⁴⁴, в долинах Сены и Уазы (д. Уаза)⁴⁵. В северо-восточных областях Галлии виллы средних размеров встречаются у медиоматриков и треверов (д. Мозель)⁴⁶ в Белгии, а также в области лингонов (д. Кот-д'Ор)⁴⁷.

При сличении зоны распространения вилл средних размеров (т. е. наиболее типичных для рабовладельческого хозяйства) и мест, где были найдены эпиграфические памятники, свидетельствующие о рабах и отпущенниках, оказывается, что они в основном совпадают. Оба эти обстоятельства, не свидетельствующие прямо о применении труда рабов в сельском хозяйстве, при отмеченном нами совпадении приобретают значение существенного аргумента для такого заключения. К этому следует прибавить целый ряд надписей из прирейнских областей⁴⁸ с упоминанием рабов, которые принадлежали военным, владевшим здесь виллами небольших или средних размеров, от 400 до 1600 югеров⁴⁹.

Рассмотрим теперь сам археологический материал, позволяющий в той или иной мере предполагать эксплуатацию рабов в хозяйстве галло-римских вилл.

Среди многочисленных предметов, найденных при раскопках руин виллы близ деревни Рю (Rhus), в местности, известной под названием «Terres Noires» в Лугдунской Галлии (д. Сена и Уаза), были найдены кандалы рабов⁵⁰.

³⁷ A. C a r n o y, *Toponymie des chaussées romaines en Belgique et dans les regions avoisinantes*, «L'antiquité classique», 23, 1954, стр. 22.

³⁸ «Gallia», 15, 1, 1957, стр. 118; 15, 2, стр. 258; 17, 2, 1959, стр. 421.

³⁹ «Gallia», 5, 1, 1947, стр. 98—112; 22, 2, 1964, стр. 497—500.

⁴⁰ «Gallia», 13, 1955, стр. 200; 15, 2, 1957, стр. 254, 314 сл.; 21, 2, 1963, стр. 529; 23, 2, 1965, стр. 434.

⁴¹ «Gallia», 11, 1, 1953, стр. 41—67; 13, 2, 1955, стр. 205; 22, 2, 1964, стр. 493.

⁴² «Gallia», 15, 2, 1957, стр. 268—270, 274; 18, 1, 1960, стр. 84; 19, 2, 1961, стр. 445.

⁴³ «Gallia», 1, 2, 1943, стр. 263; 2, 1944, 16, 2, 1958, стр. 366.

⁴⁴ «Gallia», 15, 2, 1957, стр. 316; 16, 2, 1958, стр. 317; 20, 2, 1960, стр. 464.

⁴⁵ «Gallia», 15, 2, 1957, стр. 164; 16, 2, 1958, стр. 266—278; 17, 2, 1959, стр. 286; 19, 2, 1961.

⁴⁶ «Gallia», 15, 1, 1957, стр. 119; 15, 2, 1957, стр. 316; 16, 2, 1958, стр. 329—330.

⁴⁷ «Gallia», 18, 2, 1960, стр. 337—339; 22, 2, 1964, стр. 308.

⁴⁸ См. Ш т а е р м а н, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 191, прим. 149—154.

⁴⁹ Там же, стр. 185.

⁵⁰ «Gallia», 17, 2, 1959, стр. 277—279.

При раскопках в окрестностях Лугдуна (д. Рона) среди руин, как предполагается, галло-римской виллы обнаружена стена одной из зал господского дома с прекрасно сохранившейся штукатуркой. На стене изображены две вазы, львиная голова, четыре гладиатора и бегущий лев. Рядом с изображением граффито: «servos», начертанное крупными буквами и занимавшее площадь в 0,5 кв. м. Граффито сопровождалось цифрой XVI и шестнадцатью горизонтальными линиями, расположенными одна над другой. Условно эта комната названа археологами залой гладиаторов⁵¹. Перед нами, таким образом, сцены из гладиаторских игр, обычное обозначение числа побед через цифру и соответствующее ей число горизонтальных палочек⁵².

Случайно ли гладиаторские игры послужили мотивом изображения, или действительно в этой вилле происходили состязания гладиаторов? А может быть, сюжет картины и граффито напоминают о прошлом владельца виллы, бывшего гладиатора? Имеется много примеров, когда отпущенники становились землевладельцами (CIL, XII, 594, 5370). В данном случае не просто изображена сцена гладиаторских битв: она снабжена указанием на конкретное число побед. Возможно, изображение должно было увековечить славу определенного лица. Догадки могут быть различными, но в любом случае мы имеем дело с отражением присущих рабовладельцу вкусов и запросов.

В общине медиоматриков в Бельгии, на территории усадьбы Сорбейской виллы (villa de Sorbey), располагающейся всего в 14 км от Диводура (Мец), главного города общины, при раскопках был обнаружен железный ошейник, прикрепленный цепью к камню величиной примерно в 1 куб. м. Характер этой находки, а так же то обстоятельство, что вилла по своему устройству была аналогична римско-италийским и упомянутые предметы помещались как раз там, где должны были находиться жилые комнаты для рабочего персонала, дают основание предполагать наличие в этой вилле эргастула⁵³.

В некоторых случаях характер хозяйственных построек сельских вилл или скопление в них большого количества рабочего инвентаря позволяют догадываться о социальном составе занятых в том или ином имении сельскохозяйственных работников.

В общине паризиев в Лугдунской Галлии среди руин сельской виллы Гир-Гаданкур (д. Сена и Уаза), расположенной в упоминавшейся уже местности Terres Noires⁵⁴, обнаружена небольшая постройка, предназначенная для хранения производственного инвентаря, и помещение для работников виллы. Значит, последние не имели своих орудий труда, и можно думать, что это были рабы. С предполагаемым рабовладельческим характером согласуются средние размеры виллы — одно из важнейших условий рентабельности рабовладельческого хозяйства, расположение у римской «дороги Юлиа Цезаря», соединявшей Лютецию с Ротомагом (Руан), а также время ее процветания в I—II вв., т. е. в период максимального развития рабовладельческих отношений в Римской империи.

То же заключение напрашивается относительно виллы де Ла Таск (д. Жер) в Южной Аквитании, где обнаружен многочисленный сельскохозяйственный инвентарь⁵⁵.

В крупной Шираганской вилле (villa de Chiragan) — в Аквитании — служебные постройки были многочисленны и отличались своеобразным размещением, а именно — в три параллельных ряда, каждый из которых имел свои особенности. Первая линия состояла из 10 крупных строений, в большинстве прямоугольной формы, с галереей, каждое площадью от 7 × 12 м до 10 × 17 м. Это были преимущественно конюшни и хлевы, могущие вместить до 30 пар быков или 40 лошадей⁵⁶.

⁵¹ J. G u e y, XV-e circonscription historique, «Gallia», 14, 2, 1956, стр. 268—270.

⁵² Ср. CIL, XII, 3324, 3327, 3329, 3330, 3331; P. W u i l l e u m i e r, Inscriptions latines des Trois Gaules, v. I, P., 1963, XVII supplement à «Gallia», № 511.

⁵³ G r e n i e r, Habitations..., стр. 72.

⁵⁴ P.-H. M i t a r d, La villa gallo-romaine de Guiry-Gadancourt (Seine-et-Oise), «Gallia», 16, 2, 1958, стр. 266—280; 18, 1, 1960, стр. 163—179.

⁵⁵ M. L a r r i e u, Y. L e M o a l, M. L a b r o u s s e, La Uilla gallo-romaine de la Tasque à Gadeilhan-Saint-Clar (Gers), «Gallia», 11, 1, 1953, стр. 41—67. См. также «Gallia», 9, 1951, стр. 135.

⁵⁶ G r e n i e r, Manuel, II, стр. 851.

На второй линии находилось около 20 построек меньших размеров: от 3×11 м до 6×12 м. Каждая из них представляла собой залу с галереей на фасадной стороне и служила одновременно местом жилья для персонала, занятого в хозяйстве виллы, и рабочей комнатой для занятий различными домашними ремеслами, о чем неоспоримо свидетельствуют находки здесь различных инструментов и предметов, изготовленных с помощью этих инструментов. В общей сложности эти двадцать строений вмещали примерно 100 человек ⁵⁷.

Постройки третьей линии, в числе 11, напоминали мастерские. В одних производились сукна, в других — гончарные изделия. Одновременно они, судя по их устройству, как и постройки второго ряда, служили жилищами для ремесленников. В этих помещениях могли разместиться около 60 работников, примерно по пять-шесть человек в каждом ⁵⁸. На территории виллы, за изгородью усадьбы, обнаружено кладбище, напоминающее собой колумбарий: двор с каменным полом, площадью 20×10 м, с двумя выходами и тремя галереями ⁵⁹. Колумбарий, как и описанные выше постройки усадьбы, по времени относятся к первому периоду существования виллы, т. е. к I—II вв. ⁶⁰.

Таким образом, на мысль о том, что в Шираганской вилле в этот период, по крайней мере частично, использовался труд рабов, наводят следующие моменты.

Во-первых, жилые постройки для работников виллы были размещены на территории самой усадьбы, где находились другие строения сельскохозяйственного назначения.

Во-вторых, домики для персонала по размерам приблизительно соответствуют некоторым примерам жилищ рабов, приведенным М. Е. Сергеенко: в двух этажах одного строения в усадьбе одной из итальянских вилл было расположено 18 каморок по 6 кв. м каждая и комната вилика. Отсюда М. Е. Сергеенко делает вывод, что всего рабов в этом строении помещалось примерно 20 ⁶¹. Из другого приводимого ею примера явствует, что на раба, в том случае, когда их жило по несколько в одной комнате, приходилось около $4-4,5$ м ⁶². В нашем случае работники Шираганской виллы живут по $5-6$ человек в помещении. На каждого из них приходится площади несколько больше, если судить только по данным второй линии строений. Но если учесть, что место жилья было не просто рабской казармой, как в первом примере у М. Е. Сергеенко, но и местом работы, даже мастерской (ср. строения третьей линии), то окажется, что собственно жилая площадь для работников на вилле в общем приблизительно соответствует размерам, о которых говорит М. Е. Сергеенко.

В-третьих, в вилле есть колумбарий.

Наконец, заключение о рабском состоянии части работников этой виллы согласуется с ее расположением в одном из самых романизированных районов Южной Галлии.

Возможно, отчасти рабским трудом осуществлялись сельскохозяйственные работы в одной из вилл в общине медиоматриков в Белгике. Руины этой виллы были обнаружены при раскопках близ деревни Мюнгерсдорф (в нескольких км к западу от Кельна). Интересующие нас сельскохозяйственные постройки виллы датируются первым периодом ее существования, т. е. второй половиной I в. Одна из них — всего в 50 м от господского дома — представляла собой комнату площадью $16,2 \times 13,4$ м с галереей на фасаде в 3 м шириной и большим очагом в центре $4 \times 2,5$ м.

По мнению А. Гренье, эта комната была жилищем для земледельческого персонала виллы и в то же время местом для различных домашних работ ⁶³. Но кто были эти сельскохозяйственные работники по своему социальному составу? Предположение,

⁵⁷ Grenier, Manuel, II, стр. 851.

⁵⁸ Там же, стр. 853.

⁵⁹ Там же, стр. 856.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Сергеенко, Очерки по сельскому хозяйству..., стр. 190 сл.

⁶² Там же, стр. 179.

⁶³ Grenier, Manuel, II, стр. 816.

что они являлись рабами, может вызывать сомнение, так как вряд ли было целесообразным скопление рабов в большом количестве в одном помещении, если последнее служило для них и жильем. Известно, что рабы, как правило, размещались в небольших каморках от 2—3 до 5—6 человек, примеры чего приводились выше. В данном же случае в помещении, площадью приблизительно в 200 кв. м (за вычетом места, занимаемого печью), могло разместиться примерно 40 человек (если учесть средние размеры жилой площади для рабов, а также и то, что в данной комнате не только жили, но и работали).

Однако рабский состав работников виллы не исключается. Обратимся к другим показаниям археологических материалов.

Помимо упомянутого жилого помещения сохранились остатки нескольких крупных хлевов, которые могли вместить 20 лошадей и 30 быков или коров, а также постройки, предназначенные для овец и свиней; кроме того, сохранились следы птичьего двора, амбара, риги ⁶⁴.

Таким образом, общий комплекс построек создает впечатление довольно крупного хозяйства, в котором, помимо земледелия, немалое место занимало скотоводство и птицеводство и которое, очевидно, было связано с рынком, о чем говорит наличие на территории усадьбы довольно обширного (7,35 × 4 м) погреба ⁶⁵, где в большом количестве могли храниться продукты, и близость виллы к крупному городу — Колонии Агриппине. Уход за лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, свиньями и домашней птицей предполагал наличие постоянного состава работников, обычно рабов. Рабы могли быть использованы и в земледелии.

Следовательно, число работников, которые могли быть помещены в упомянутую жилую комнату, соответствует размерам и хозяйственному характеру виллы.

О возможном использовании в вилле рабского труда свидетельствует постройка, в которой был обнаружен производственный инвентарь, жернова, бронзовые диски, железный лом.

Наконец, отсутствие на территории виллы отдельных домиков колонов или зависимой от виллы деревни дает основание предполагать, что работниками, занятыми в ее хозяйстве, были, по крайней мере частично, рабы, а также наемные лица, использовавшиеся на сезонных полевых работах.

Многочисленные и сравнительно хорошо сохранившиеся руины виллы в Анте (Anthée) близ Намюра (в Белгике), время возникновения и процветания которой относится к I—II вв., также позволяют предполагать использование в хозяйстве этой виллы рабского труда. На территории ее усадьбы были обнаружены двух видов строения, которые располагались двумя параллельными рядами, отделенными друг от друга довольно широким пространством. По одну сторону размещались различные мастерские, по другую — хлебные амбары, хлевы, жилые помещения, а также строение, предназначенное для хранения рабочего инвентаря. Среди жилых построек небольших размеров имелось строение, основную часть которого, как и в Мюнгерсдорфской вилле, представляла большая комната, но здесь она была окружена со всех четырех сторон маленькими ⁶⁶. Эти последние могли быть мастерскими или, как и отдельные небольшие домики, предназначались для жилья персонала виллы, в то время как центральная большая зала была общей рабочей комнатой, которая служила одновременно и кухней и столовой. Если учесть наличие специального помещения для хранения инвентаря, то по аналогии с выше разобранными случаями можно полагать, что обслуживавшие виллу работники частью, во всяком случае, были рабами, а частью, возможно, — наемными людьми.

Рассмотренные выше эпиграфические и археологические данные позволяют, нам кажется, несмотря на их лаконичность, однообразие и (при изолированном их рассмотрении) неопределенность, говорить о применении рабского труда в сельском хозяйстве Галлии. Это заключение, впрочем, может считаться обоснованным только для от-

⁶⁴ Там же, стр. 817—818.

⁶⁵ Там же, стр. 817.

⁶⁶ Там же, стр. 847.

дельных — наиболее романизированных — областей, к которым относится рассмотренный нами эпиграфический и археологический материал.

Наши источники свидетельствуют и об иных формах эксплуатации или сочетании их с рабским трудом.

Один из таких примеров дает нам Руленская вилла (*villa de Rouhling*) в общине медиоматриков, время расцвета которой приходится на вторую половину III в. По своему внешнему устройству и соотношению величины господского дома, усадьбы и имения, предписываемому римскими агрономами и архитекторами, она, как и предыдущие рассмотренные нами виллы, была аналогична римско-италийским. Большую площадь занимали хозяйственные постройки: конюшни, хлевы, риги, погреба, различные мастерские. Особенно интересны для нас две крупные постройки (одна из них около 35×20 м) за северным крылом виллы. С бетонированным полом, соединенные между собой воротами шириной в 1,6 м, они были разделены внутри — каждая на несколько более мелких помещений. Три таких помещения, расположенные на каменном фундаменте, имели более толстые стены и были отделаны несколько тщательнее, чем остальные. Одно было просторнее двух других. По мнению А. Гренье, исследовавшего руины виллы, эти три комнаты были жилыми и предназначались для рабов, в то время как остальные помещения служили только ригами и амбарами ⁶⁷.

Заключение А. Гренье о рабах, занятых в вилле, подтверждается находками многочисленных и разнообразных сельскохозяйственных орудий труда: ножи, обычные и кривые садовые, клинья, скобы, топоры, молотки и т. п. О том же говорит большое количество черепков дешевой глиняной посуды.

Однако рабы не были единственной рабочей силой, использовавшейся в хозяйстве этой виллы. По соседству с ней раскопками открыты следы сельских жилищ и многочисленные захоронения галло-римского времени, так что вилла оказывалась как бы центром окрестного населения ⁶⁸. По всей вероятности, это население зависело от виллы и в той или иной форме эксплуатировалось ею. Недаром, по-видимому, расцвет виллы, как уже отмечалось, падает на конец III в., когда варварские вторжения делали местное крестьянское население беззащитным и, вынуждая его искать опоры у крупных соседей, ставили его в зависимость от них.

В вилле из Бюфос-а-Верней, расположенной в долине Уазы в 600 м от реки и 400 м от дороги, в северо-западной части ее усадьбы обнаружены руины дома вилика, отделанного более тщательно по сравнению с другими постройками. План дома предполагал центральное помещение, вокруг которого располагались несколько комнат и баня, предназначенная для семьи вилика. В этой же части усадьбы, отделенные стеной от жилища управляющего имением, размещались различные хозяйственные службы: кухня, амбар, хлев, жилые помещения и баня для персонала ⁶⁹.

Таким образом, перед нами вилла, в хозяйстве которой использовался труд рабов, живших на территории усадьбы. Но, кроме рабов, здесь эксплуатировался труд и других зависимых людей. Раскопками установлена связь виллы с комплексом мелких хозяйств на лесном плато, прилегавшем к долине Уазы, где располагалась вилла ⁷⁰.

Следует отметить еще и то обстоятельство, что в основе архитектурного комплекса виллы лежали постройки кельтской эпохи Латен III, а время существования виллы приходится на период со II в. до правления Тетрика ⁷¹. Перед нами, следовательно, пример того, как рабовладельческие формы хозяйства постепенно внедрялись в имения местных владельцев и сосуществовали с прежними формами эксплуатации, характерными для эпохи независимости.

⁶⁷ Grenier, *Habitations...*, стр. 134—138.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ P. Durvin, *La villa gallo-romaine de Bufosse à Verneuil (Oise)*, suppl. à «Documents et recherches», № 7, Juil, 1955, «Gallia», 16, 2, 1958, стр. 479; см. также «Gallia», 12, 2, 1954, стр. 542.

⁷⁰ R. Lantier, *Mardelles et villas gallo-romaines*, «Revue archéologique», P., 1958, 1, стр. 107.

⁷¹ «Gallia», 16, 2, 1958, стр. 479.

Это не единственный пример такого сосуществования прежних форм зависимости с рабовладельческими. С точки зрения социального состава работников, занятых в имении, интересна Монморенская вилла, располагавшаяся в плодородной долине Савы в припиренейской области (д. Верхняя Гаронна) и по своим размерам, роскоши и хозяйственному значению подобная упоминавшейся уже Шираганской вилле. Что касается времени ее существования, то раскопками установлено, что за первой ее конструкцией II в. следовала вторая, построенная в III в., вскоре сожженная; вилла была восстановлена в правление Константина и окончательно разрушена в конце IV в.⁷². Служебные постройки на территории ее усадьбы могли вместить приблизительно 300 работников⁷³.

Об использовании рабского труда в хозяйстве виллы говорят: во-первых, расположение жилых помещений для работников виллы на территории ее усадьбы; во-вторых, характер хозяйства, которое сочетало земледелие со скотоводством и в котором, как предполагается, большую роль наряду с зерновыми культурами играло виноградарство⁷⁴.

Кроме того, на территории домена обнаружены многочисленные руины небольших жилищ, принадлежавших, по всей вероятности, зависимым от виллы держателям⁷⁵.

Наконец, по соседству с виллой были открыты небольшие хозяйства с кельтского типа жилищами, сохранявшими строительные традиции галльштатского времени и напоминавшими так называемые *mardelles* Восточной Галлии (полуземлянки небольших размеров, с двускатной крышей на центральной опоре). Они располагались на лесистом плато вдоль дороги из Толозы в Тарбы у южных границ владений виллы, но находились, как полагают, вне ее хозяйственной зоны⁷⁶. Следовательно, владельцы этих небольших хозяйств не были колонатами.

Однако, нам кажется, есть основание предполагать известную связь между ними и виллой. Возможно, обитателей древних кельтского типа жилищ связывали с доменом старокельтские отношения зависимости (патронат и клиента). Помимо общих условий III в., характеризующихся частыми вторжениями варваров, здесь следует учитывать и тенденцию Монморенской виллы к постоянному расширению границ своих владений. Об этом свидетельствует, например, судьба второй виллы, открытой также в долине Савы (в местности, называемой «Малые Пиренеи») и известной под именем Ла-Виль-Руж. Время существования виллы — II—III вв., размеры ее земель определяют примерно в 200 га, или 800 югеров, что соответствовало среднему владению. Высказывалось предположение, что при восстановлении от разрушений второй половины III в. Монморенская вилла поглотила имение виллы Ла-Виль-Руж, включив в свой домен всю территорию долины Савы⁷⁷.

Известны и примеры постепенного включения в сферу хозяйственного влияния виллы независимых прежде крестьянских хозяйств.

При раскопках 1957 г. на месте совр. деревни Дунтценхейм, расположенной в 22 км от Страсбурга (д. Нижний Рейн), были открыты две довольно крупные виллы, руины которых занимали площадь 100×90 м и 100×50 м. Расположенные в весьма благоприятных географических условиях, они должны быть отнесены к первым двум векам нашей эры. По соседству с той и другой виллой, на территории их доменов, были открыты два села, восходящие еще к латенскому периоду⁷⁸.

Нам не известно, ни кто был владельцем этих вилл, ни когда крестьяне оказались в зависимости от них. Возможно, что эти крестьяне еще в период доримской Галлии

⁷² «Gallia», 16, 2, 1958, стр. 478.

⁷³ L a n t i e r, *Mardelles et villas gallo-romaines*, стр. 105—106.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ J. J. H a t t, A. S i a t, A. S t i e b e r, *Recherches sur des domaines gallo-romains du Cochersberg*, «Cahiers alsaciens d'Archéologie, d'Art et d'Histoire», Strasbourg, 1958, стр. 56—60.

были клиентами местного землевладельца, подобно тому как город (*oppidum*) Укселлодун во время войны галлов с Цезарем находился в клиентской зависимости от местного аристократа Луктора (Caes. B. G., VIII, 32), но не исключено, что они были подчинены новыми владельцами, выходцами из Рима и Италии, которые не только принесли с собой римско-италийские традиции организации хозяйства (о чем свидетельствуют время основания и характер вилл), но и восприняли местные формы эксплуатации труда крестьянского населения.

А. Гренье, исследовавший большой археологический материал Северо-Восточной Галлии, а также Альбенк, изучавший ее центральные районы, часто говорят о многочисленных жилищах крестьян, расположенных вокруг вилл, на территории их домов⁷⁹.

В каких взаимоотношениях находились в этих случаях сельчане с владельцами вилл? Превращались ли они в римское время в колонов-арендаторов или продолжали оставаться клиентами владельца дома? А. Гренье считает, что жители деревень на территории частных имений всегда были колонами⁸⁰. Это мнение нам представляется не вполне верным. Впрочем, данные археологии и эпиграфики при нынешнем отсутствии других источников не позволяют решительно ответить на поставленный вопрос, точно так же как они не в состоянии объяснить, к чему конкретно сводились условия зависимости колонов или клиентов и чем отличалась в изучаемое нами время одна форма от другой.

Собственно клиентские отношения нашли слабое отражение в надписях.

В одной из них, найденной в окрестностях Немава в Нарбонской Галлии, речь идет о посвящении некоей Октавии Марцелле, дочери Гая, от клиентов Секста Вирилла Северина — Гая Куртия Примита и его жены Цельзины⁸¹. В другой — из той же местности — клиент Церпал делает посвящение гению Севера, которого он называет «нашим», что заставляет думать о последнем, как о господине или патроне не только Церпала, но и других лиц, находившихся в такой же зависимости от него. Однозначное имя клиента свидетельствует о его принадлежности к низшим слоям: *G(enio) Severi n(ostri) Cerialis cliens* (CIL, XII, 3051a). Аналогичная надпись посвящена некоему Луцию клиентом Атталионом: *L(ucio) n(ostro) Attalio cliens* (CIL, XII, 3433). Две однотипные надписи из прирейнской области посвящены Гаю Аврелию Матерну его клиентом Катиригом Дельфиком⁸².

Содержание приведенных надписей не позволяет нам решительно утверждать, что отраженные в них клиентские связи обязательно относятся к области поземельных отношений. Существенно, однако, что надписи эти происходят из сельских местностей. Можно предположить, что в некоторых, по крайней мере, случаях, они имеют в виду земледельцев.

Следует заметить, что все пять надписей относятся к наиболее романизированным областям Южной и Восточной Галлии. Они свидетельствуют, таким образом, о живучести прежних форм зависимости, заставляя предполагать, что клиентские отношения были тем более характерны для не столь романизированных районов этой провинции.

При этих условиях самые лаконичные и редкие надписи с упоминанием сельских клиентов приобретают существенное значение⁸³.

Чаще надписи отражают не столько суть самих взаимоотношений землевладельцев и сельского населения, сколько пути, ведущие к установлению зависимости одних

⁷⁹ Grenier, Manuel, II, стр. 850—858, он же, *La Gaule romaine*, стр. 495; A. Albenque, *Les Ruthènes*, P., 1949, стр. 264.

⁸⁰ Grenier, *La Gaule romaine*, стр. 495.

⁸¹ CIL, XII, 3773; *Octaviae C. [f.] Marcellae Sex. Virilli Severini C. Curtius Primitus et Celsina uxor client[is]*, ср. там же, 3296.

⁸² CIL, XIII, 4291: *Genio C. Aur. Materni pr(a)ef(ecti) stat(orum) q(aestoris) c(ivitatis) M(ediomatricorum) Cathirig Delficus cliens*.

⁸³ См. также CIL, XII, 4178. Мы не ссылаемся, однако, на надписи CIL, XII, 2208, 3714, 3911; XIII, 4289 и некоторые другие, упоминающие клиентов, так как в них речь идет явно не о скромных сельских тружениках или имеющихся в виду клиенты из отпущенников.

от других. Это были и соседство, и патронат более или менее крупных и влиятельных владельцев над мелкими или над целыми селами (виками) и даже сельскими округами (пагами).

В одной из надписей, открытой между Августумом и Леманнским озером в Нарбонской Галлии, говорится о том, что децемлекты села Акв и его патроны сделали за свой счет селу алтарь по случаю дарования каким-то лицом гончарных мастерских посессорам и сельчанам Акв вместе с доходами от них для устройства пира:

Aram decem l[ecti] Aquenses et patroni de suo ob donum fig[li]n(arum) quem (sic) ... [possessoribus vici Aqu?]arum et vicanis don[avit] ad epulum pa[ra]nd[um] cum suo fructu. Pat[ro]ni: Ruf(ius) Iulianu[s] Smer(ius) Masuetus. Dec[e]m lecti: Can(ius) Decimu[s], Tit(ius) Hyginus, Tinc(ius) De[r]lco, Iul(ius) Spinter, Smer(ius) L[i]ncinianus, Rom(anus?) Valeri(us?) Cac(usus?) Decimianus, Ael(ius?), Decumanus, Sol(lius) Se..., ... ius R... ⁸⁴.

Прежде всего разберемся в значении каждого термина, обозначающего ту или иную категорию упомянутых в надписи лиц. Это: decem l[ecti] Aquenses, patroni, possessoribus vici, vici.

Кто они и в каких взаимосвязях находятся?

Как видно из надписи, децемлекты села Акв — это десять человек, избранные из числа его жителей. Из кого они избраны? Из посессоров или сельчан (ведь жители села, как это явствует из противопоставления в надписи посессоров и сельчан, включали тех и других)? Чтобы ответить на этот вопрос, постараемся выяснить прежде, кто такие посессоры и чем они отличались от сельчан. По этому вопросу в литературе высказывались различные мнения ⁸⁵.

Нам думается, что термин «посессоры» имеет широкое значение. Известно, что римское право отличает *dominium* как собственность и право собственности, чисто римской, квинтиского происхождения, от *possessio*, фактического владения. Таким образом, владение может и не быть связанным с правом собственности и может осуществляться в его нарушение. Отсюда и формула римских юристов, что собственность не имеет ничего общего с владением: *nihil commune habet proprietas cum possessione* (Dig. 41, 2, 12). Следовательно, *possessio* в рамках одного и того же села вполне может совмещаться с правом собственности римского государства на те же самые земли. Поэтому под посессорами следует понимать, нам кажется, не только тех, кто получил землю на основе центуриации и ассигнации, но любого жителя села, который стал самостоятельным владельцем. При этих условиях процесс дифференциации села имел следствием выделение из состава сельчан отдельных лиц в качестве посессоров. В тех случаях, когда посессорами были ветераны, факт расположения их имений на территории сел должен рассматриваться как осуществление римским правительством своего права свободно распоряжаться провинциальными землями.

Таким образом, под посессорами следует понимать всяких землевладельцев, независимо от того, каким путем они ими стали и каков был способ владения.

⁸⁴ СЛ, XII, 2461; ИЛН, 1446, ВДИ, 1956, № 4.

⁸⁵ Фляш, например, склонен понимать под посессорами жителей деревень, виков и бургов (J. F l a s h, Les origines de l'ancienne France, P., 1893, стр. 34). По К. Жюль-лиану (ук. соч., IV, стр. 353, прим. 6; V, стр. 362), посессоры — это мелкие собственники, порожденные основанием в Галлии римских колоний для ветеранов и их потомков, и объединенные в особую коллегию. М. И. Ростовцев (Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, Lpz, 1929—1930, стр. 179) считает, что под посессорами следуют понимать вовсе не землевладельцев, а домовладельцев. Е. М. Штаерман полагает, что, в то время как виканы выступали в качестве совокупного землевладельца, посессоры были частными владельцами, причем такими, земли которых были строго лимитированы, определены на основе центуриации и ассигнации и потому выделены из села, территории которого они располагались. В связи с этим посессоры имели больше прав на свои земли, чем села, поскольку высшее право распоряжения землями сел как провинциальными землями в конечном счете принадлежало римскому государству (см. Штаерман, К вопросу о крестьянстве..., стр. 106—107; она же, Община в западных провинциях..., стр. 209; она же, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 39, 186; она же, Мораль и религия..., стр. 44—45).

Децемлекты, десять человек, избранные из жителей Акв, относились, вероятно, к числу наиболее зажиточных из сельчан. Вместе с патронами они ставят алтарь за собственный счет. Это вытекает, кроме того, из самих имен децемлектов, так как некоторые из них явно кельтского происхождения, например, Тинций Деркон, Смерий⁸⁶. Надо думать, что эти лица — старожилы села и не римские граждане.

В «патронах» рассматриваемой надписи мы склонны видеть тех лиц, местных жителей, в клиентской зависимости от которых находились сельчане или отдельные группы их (поскольку в надписи перечисляется несколько патронов). Так же как и децемлекты, они были местными посессорами, преимущественно кельтского происхождения, о чем свидетельствуют их имена Масвет, Смерий и другие. В отличие от децемлектов, официальных представителей села, они были частными лицами, оказывавшими те или иные услуги клиентам, труд которых использовали в своих имениях.

Это положение не противоречит тому, что существовал патронат как почетный институт по отношению к селу в целом. В роли таких патронов, как мы увидим ниже, могли выступать самые различные лица. Одним из них был некий Змертуций Титиан (о котором узнаем из аналогичной надписи того же села). Он поставил селу алтарь на свой счет по случаю того, что децемлекты от посессоров Аквы предоставили сельчанам рощу с виноградником для празднования игр за здоровье императора Августа: [Decemlecti possessorum Aquensium donaverunt) lucum cum sua vinea vicani Aquens(is) ad ludos celebrand(os) pro salute imp. Aug. Zmertuccius Titianus patronus vici aram de suo dat⁸⁷. Здесь Змертуций прямо назван патроном села. Как и вышеназванные патроны и децемлекты, он был местным посессором и, судя по его имени, даже не римским гражданином.

Поскольку патроны-посессоры из Акв, как и децемлекты, — жители того же самого села, что и находившиеся от них в клиентской зависимости сельчане, они были, по-видимому, владельцами сравнительно небольших имений.

Охарактеризованные таким образом связи между посессорами и сельчанами вика Аквы находят полную аналогию в клиентских отношениях доримской Галлии и свидетельствуют о прочности этой формы зависимости в римское время. Можно привести ряд других надписей, отражающих подобного рода зависимость отдельных сельчан или сел в целом от землевладельцев, которые были частными или должностными лицами, местными или римскими гражданами. В одной из них говорится о посвящении, поставленном сельчанами Эбуродуна (община лингонов в прирейнской области) Юлии Фестилле, дочери Гая Юлия Камилла, первой фламینیке Августа, которую они называют лучшей соседкой, имеющей перед ними выдающиеся заслуги: *Iuliae C. Iuli Camilli filiae Festillae flaminicae primae Aug(ustae) vicinae optimaе ob egregia eius merita vicani Eburodun...*⁸⁸. В другой надписи эбуродунские же сельчане называют своим другом и патроном Гая Флавия Камилла, дуумвира колонии гельветов, фламینی Августа и патрона гельветской общины: *C. Flavio Camill[o] Iivir. col. Hel., flamin[i] Augusti quem ordo patronum civitatis cooptavit... vikani Eburodunenses amico et patrono* (CIL, XIII, 5063; ИЛН, 1431, ВДИ, 1956, № 4).

По всей вероятности, отразившееся в цитированных надписях почтение сельчан к своим крупным соседям отражает клиентские отношения. Как показано в работах М. С. Сергеевко и Е. М. Штаерман, мелкие соседи крупных собственников попадали в зависимость от них, а слово *vicinus* «сосед» приобрело вследствие этого особый смысл, означая соответствующие отношения зависимости, а в некоторых случаях было равнозначно понятию «клиент»⁸⁹.

Обращает на себя внимание в приведенных надписях то обстоятельство, что могут быть соседями эбуродунских сельчан в обоих случаях оказываются римские

⁸⁶ H o l d e r, ук. соч., стр. 1267 и 1952.

⁸⁷ «Année épigraphique», 1934, № 165; ИЛН, 32, ВДИ, 1955, № 2.

⁸⁸ CIL, XIII, 5064; ИЛН, 1432, ВДИ, 1956, № 4; другие примеры: CIL, XIII, 3150, 3652; XII, 4155.

⁸⁹ М. С. Сергеевко, К истории колониальных отношений, ВДИ, 1949, № 2, стр. 56—59; Штаерман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 45—46; он же, Мораль и религия..., стр. 46, 47, 58, 64.

граждане не местного происхождения, о чем свидетельствуют их имена: Юлия, дочь Гая Юлия Камилла, и Гай Флавий Камилл. Видимо, римляне, колонизовавшие галльские земли, заимствовали местные формы эксплуатации сельского населения.

Аналогична надпись, найденная близ Лакторы (совр. Лектур) в Аквитании: *L. Rosio Lepido [primario sive principali rei] pub(licae) suae viro, [in ho]nore[m ampli[s-simo]rum meritor[um], hom(ini)] fid[er]ic[i]a[ni] ...* (CIL, XIII, 534). Не исключено, что эпитеты, выражающие здесь почтительное отношение сельчан к крупным местным собственникам, унаследованы от эпохи независимости Галлии («*primarius*» или «*principalis*», если то или другое из предложенных восстановлений верно). Эпитет «*fidus*», которым характеризуют сельчане этого землевладельца, обычен для выражения взаимоотношений патрона и клиентов. Например, каменщики — клиенты землевладельца Тиберия Флавия Ветера — называют его вернейшим и лучшим патроном⁹⁰.

В общине амбарров в Лугдунской Галлии венетомагские сельчане ставят посвящение божественности Августа и богу Солнца за здоровье местного землевладельца Гая Амандия Билликатидоса и его сына⁹¹. Крестьяне пага Лукреция из местечка Гаргария в окрестностях Арелаты в Нарбонской Галлии посвящают почетную надпись севиру августалу Арелаты Квинту Корнелию Зосиму, отпущеннику, в благодарность за ходатайство перед президами провинции, в результате которого он добился для этих крестьян прекращения каких-то несправедливостей и восстановления терпели крестьяне из пага Лукреция и от кого они исходили, из содержания надписи неясно, и тут возможны разные предположения. Но зато со всей очевидностью выступает роль севира августа как их защитника и патрона. Сельчане же пага были или становились его клиентами.

Можно привести много примеров, когда посессоры выступают в роли благодетелей или покровителей сельчан, сооружая в их честь алтари богам. Так, у эдуч в Лугдунской Галлии, в окрестностях Кавиллона, землевладельцем Секстом Оргием Свамином⁹² были поставлены алтари на собственный счет. Место для алтарей было предоставлено ему по решению сельчан⁹³. Из общины сенонов до нас дошло посвящение богине Клутоиде и одновременно массавензийским сельчанам⁹⁴. В области амбарров найден алтарь, посвященный Юпитеру и бапеннензийским сельчанам⁹⁵. Посвящение Динавгусте в честь пага Кондата в окрестностях Лугдуна сделал на свой счет посессор местного происхождения Гай Гентий Оллилл⁹⁶, дважды избиравшийся магистром пага⁹⁷.

В Белгике у беллоаков некто Секст Фабий Асклеппад поставил на свой счет алтарь в честь божественного дома, Юпитеру и селу Ратумагу⁹⁸. У тревиров некий Урисулий Кампан поставил алтарь в честь Юпитера и села (CIL, XII, 3649). Судя по прозвищу *Sampanus*, он был, видимо, не местного, а италийского происхождения, вольноотпущенником по социальной принадлежности: в другой надписи Урсул (CIL, XIII, 4121), тревиров, упоминается отпущенник со сходным именем — Приманий Урсул (CIL, XIII, 4121). Бывшим отпущенником был и упомянутый выше Секст Фабий Асклеппад, судя по его когномен, греческого происхождения.

⁹⁰ CIL, XIII, 5475 (из Дижона) *Ti[b]. Fl. Veteris patron[o] optimo et fidelissimo lapidari clientes...*

⁹¹ CIL, XIII, 2541: *Num. Aug. deo Soli pro salut. C. Amand(ii) Billiccatidos[si] et Amand. Maioris fil. ei[us] vicani Venetonimage[ns]es ob mer[ita] posuerunt[?]*.

⁹² CIL, XII, 594; ИЛН, 1399, ВДИ, 1956, № 4.

⁹³ Holder, ук. соч., стр. 876—877.

⁹⁴ CIL, XIII, 2609: *Aug. sacr. deo Herculi Sex. Orgius Suavis d(e) s(ua) p(ecunia) d(at), l(oco) d(ato) ex d(ecreto) pag(i)*; ИЛН, 1414, ВДИ, 1956, № 4; CIL, XIII, 2608: *Aug. sacr. deo Mercurio Sex. Orgius Suavis d. s. p. d. ld. ex d. p.*

⁹⁵ CIL, XIII, 2895: *Aug. sacr. deae Cluto[i]dae et vicanis Massavensibu[s]...*

⁹⁶ CIL, XIII, 2450: *IOM T... vicanis [B]ai[e]nnensibus...*

⁹⁷ Holder, ук. соч., стр. 2004.

⁹⁸ CIL, XIII, 1670: *[D]ilanae Aug. sacrum [i]n honor. pagi Condat. C. Gentius Olillus magis[t]er pagi bis...*

⁹⁹ CIL, XIII, 3475: *[in hon.] dom(us) d(ivinae) I(ovi) O(ptimo) M(aximo) e[st]... x. et vic(o) Ratum[ag]ensiu[m] (?) Sex. Fabius Asclepiade[s] (?)...*

Наконец, следует отметить надписи, из которых явствует, что иногда власть местной землевладельческой аристократии по существу была наследственной. Так, в Деобенском паге должность префекта вигинтивиров исполнял тринадцатилетний мальчик: *D. M. Valeri Maximi fil. defunct. ann. XIII (sic), praef. vigintivirorum pagi Deobensis ...* (CIL, XII, 1376). Аналогична и следующая надпись: *C. Ars. Marciano optimo iuveni et pientissimo, officio inter convicanos suos functo aedil.* (CIL, XII, 2611), из которой видно, что должность эдила среди сельчан осуществляло лицо еще юношеского возраста. Надпись из Агнединка у сенонов также посвящена «юноше» Гаю Аматию Патернину, который был эдилом сельчан, эдилом общины сенонов, общественным поверенным в финансовых делах пага Тоута, поверенным, квинквенналом, дуумвиром и казначеем общины и намечался на должность префекта анноны ¹⁰⁰.

В роли покровителей патронов и сельчан выступали самые разные по своему социальному положению и политическому влиянию лица из местных или соседних землевладельцев. Это были муниципальные магистраты ¹⁰¹, вет ераны ¹⁰², дельцы-предприниматели ¹⁰³, богатые отпущенники ¹⁰⁴, жрецы ¹⁰⁵, императорские чиновники ¹⁰⁶, сильные соседи. В некоторых случаях одно и то же лицо выступало в роли патрона двух сел одновременно ¹⁰⁷.

Патронатные или соседские связи приводили в конце концов к различным формам зависимости сел или отдельных семей от частных землевладельцев: клепентеле, колонату, позднему патронату.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о постепенном выделении из среды местных землевладельцев наиболее влиятельных лиц и вместе с тем о тенденции к превращению их в поземельную аристократию, владения которой в будущем протянутся далеко за рамки одной общины и выйдут из-под муниципальной юрисдикции.

На основании археологических данных А. Гренье показывает, что у медиоматриков в III—IV вв. развиваются крупные виллы, которые вместе с жилищами колонов, компактно расположенными на небольшом расстоянии от усадьбы виллы, на территории ее имения, составляли единый комплекс с иной формой эксплуатации, отличной от практиковавшихся в средних виллах, предшествовавших по времени крупным.

Примером может служить описанная им вилла III в. в Сен-Ульриш, расположенная в 4 км от Сарребурга. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди ее хозяйственных построек — сараев, навесов, риг, амбаров — отсутствовали жилые помещения для персонала, которые мы наблюдали в упоминавшихся выше виллах I—II вв. Зато примерно в 300 м от усадьбы при раскопках обнаружены кирпичные и деревянные остатки скромных жилищ, где, по предположению А. Гренье, жили зависимые от виллы колоны ¹⁰⁸. Всякого рода хозяйственные службы занимали здесь соответственно значительно меньшее место.

Позднейшие роскошки неподалеку от той же виллы Сен-Ульриш обнаружили на территории ее домена, на сравнительно ограниченном пространстве, до сотни строений, отстоявших друг от друга на расстояние одного км ¹⁰⁹. Есть основание считать, что это были владения зависимых от виллы держателей. Таким образом, подтверждается мнение Гренье о зависимых от виллы колонах.

¹⁰⁰ CIL, XIII, 2949; ИЛН, 1420, ВДИ, 1956, № 4.

¹⁰¹ CIL, XII, 59, 701, 1868 и др.

¹⁰² CIL, XII, 368, 516, 672, 3184, 2608.

¹⁰³ CIL, XIII, 1911, 1922 и др.

¹⁰⁴ CIL, XII, 594, 5370.

¹⁰⁵ CIL, XII, 3184, 3242, 3275.

¹⁰⁶ CIL, XII, 1748, 1853, 1856, 2608, 3275, 5842.

¹⁰⁷ CIL, XII, 1783 ... *v[i]lcani Boxs[ani] et Noiomagens[es] patrono*; ИЛН, 1250, ВДИ, 1956, № 3.

¹⁰⁸ Grenier, *Habitations...*, стр. 152, 185.

¹⁰⁹ «Gallia», 12, 2, 1954, стр. 544. Правда, Р. Лантье считает, что сосредоточение большого числа строений на ограниченном пространстве включает чисто аграрный характер виллы и что часть построек должна была иметь промышленное назначение (там же).

Подобная же картина наблюдалась в вилле Макквиллер, расположенной также у медиоматриков, в 8 км от Сарруниона и процветавшей во второй половине III в. Вокруг виллы были густо разбросаны жилища местного сельского населения. Кроме того, на территории, как предполагается, домена виллы были обнаружены многочисленные остатки кирпичного производства. А. Гренье полагает, что местное население эксплуатировалось виллой в качестве ее колонов как на полях, так и в ремесле ¹¹⁰.

Характерно, что Шираганская вилла в Аквитании, о которой говорилось выше, в III—IV вв. приобретает новые черты. Из хозяйства сравнительно скромных размеров в I—II вв. она превращается в роскошную виллу и мощное владение, протянувшееся на 12 км в длину и 5—6 км в ширину и равнявшееся таким образом 7—8 тыс. га ¹¹¹. На этой территории обнаружены датированные тем же периодом зависящие от виллы села и руины более мелких вилл, которые были хозяйственными центрами ее отдельных частей и сдавались, по-видимому, в аренду кондукторам и колонам.

Выше приводились примеры вилл, на территории доменов которых располагались жилища колонов. Имеются и эпиграфические свидетельства о колонате в Галлии.

Одна из надписей, найденная на правом берегу Сарры в районе Саррегемина (Sarreguemines), представляет собой посвящение богине Юноне от колонов аперненских: *Deae J[u]non[i] coloni Aperienses ex iussu* ¹¹². Сходно с этим содержание другой надписи, открытой близ Пахтена у треверов: *Deo Mercurio coloni Crutisiones fe(ce)runt de suo per dann(i)um Giamillum* (CIL, XIII, 4228). В этой надписи характерно то обстоятельство, что крутизиенские колоны делают посвящение Меркурию через своего главу. Следовательно, речь идет о целой деревне колонов.

В Аквитании, где имелись императорские имения и рудники, по-видимому, не случайно, особенно часто встречаются посвящения божественной силе Августов от сельчан. Например: *Numini Augusti sacrum Secundus Sembodonis fil. nomine vicanorum aquensium et suo posuit* (CIL, XIII, 389) или: *Numinibus Augustorum et Junonibus vicani Neriomagienses* (CIL, XIII, 1374; ср. 1373; ср. 1376—1379, 1449). Аналогичные посвящения встречаются в Бельгии, где также имелись императорские владения, и прирейнских областях ¹¹³.

Об эксплуатации колонов в частных имениях можно судить по барельефным изображениям некоторых надгробий, посвященных местным землевладельцам. Среди них особенно выделяется четкостью и определенностью отраженных на нем сцен надгробный памятник из Игеля (близ Трира) треверским купцам Секундинам, которые принадлежали и к местным владельцам вилл. Наряду с различными сценами из их торговой деятельности некоторые барельефы изображают эпизоды сельской жизни в вилле, располагавшейся в 4 милях от города, где находилась торговая лавка Секундинов. Один из рельефов имеет непосредственное отношение к интересующей нас теме: шестеро крестьян, каждый из которых приносит владельцу виллы какой-нибудь натуральный продукт, очевидно, в порядке возложенной на них повинности. Первый держит в руке зайца, второй — рыбу, третий — ягненка, четвертый, по-видимому, — утрей, пятый — петуха, шестой — корзину с фруктами или ягодами. Господин, стоя у занавеси помещения, принимает пришедших и жестом правой руки, очевидно, благодарит их ¹¹⁴.

Другой памятник, также из окрестностей Трира, по своему характеру поразительно напоминает надгробие Секундинов — особенно сценой приношения крестья-

¹¹⁰ Grenier, *Habitations...*, стр. 144.

¹¹¹ Grenier, *Manuel*, II, стр. 895.

¹¹² Grenier, *Manuel*, II, стр. 913, со ссылкой на J. B. Keune, *Römische Weihenschrift aus Weidenstein-Kalhausen*, «Annuaire Metz», 1914, стр. 461—468.

¹¹³ CIL, XIII, 4565: *Ti. Claudio Drusi f. Calpurnius Aug. German. pont. max. trib. potestas III imp. III, pp. cos. de... vicani Marosallenses...*; ср. там же, 4301, 4303. См. также Штаерман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 181, прим. 86 и 87.

¹¹⁴ Esperandieu, *ук. соч.*, VI, № 5268, стр. 441—442; Grenier, *Manuel*, II, стр. 934; H. Dragendorff und E. Krüger, *Das Grabmal vom Igel, Trier*, 1924, стр. 74—75, рис. 43—45.

нами различных продуктов землевладельцу: в помещении шесть человек, один сидит за конторкой и принимает то, что принесли пять крестьян; первый держит петуха, второй — рыбу, третий — корзину с фруктами, четвертый — поросенка, пятый, опираясь на посох, держит в руках плохо различимый предмет ¹¹⁵.

На обоих памятниках изображена, скорее всего, сцена получения арендной платы с крестьян.

Тот же, по-видимому, сюжет мы находим на одном из барельефов надгробного памятника из Новиомага в общине треверов в Белгике: за столом сидит человек и смотрит в счетные документы, перед ним стоит крестьянин, одетый в плащ с капюшоном, и держит в руках сумку, ремень которой перекинут через его плечо ¹¹⁶. Другие барельефы изображают эпизоды частной жизни семьи владельца виллы (сцена туалета госпожи, картины из охотничьей жизни), стилизованные виноградные лозы и т. п.

Более сложными для трактовки представляются барельефы других трех богатых надгробий, по пышности, стилю и сюжетам весьма сходных с памятником из Игеля.

Барельеф одного надгробия из того же Новиомага представляет следующую сцену: трое молодых людей в туниках стоят за столом, на котором груды монет; один из них занят, очевидно, подсчетом денег; другой, только что принявший деньги у бородастого человека, одетого в плащ с капюшоном, показывает ему одну из монет, оказавшуюся, по-видимому, фальшивой; тот, открыв рот, выражает удивление; третий стоит перед корзиной с деньгами и держит в руках счетные документы. С правой стороны стола стоят еще двое бородатых людей, очевидно крестьян, в плащах с капюшонами и кошельками в руках. Третий, опершись на посох, смотрит на стол, ожидая своей очереди ¹¹⁷.

Один из барельефов второго подобного памятника из Новиомага представляет сцену с участием семи человек: один, сидящий справа за столом, принимает от пришедших крестьян деньги и делает какие-то пометки в табличках, которые лежат перед ним на столе. Второй человек ему помогает, третий высыпает на стол деньги из своего кошелька. Четвертый, только что высыпавший на стол деньги, смотрит в полученную им взамен табличку. Остальные ждут очереди, чтобы высыпать на стол принесенные ими деньги ¹¹⁸.

От третьего из упомянутых надгробий, открытого в окрестностях Трира, сохранился лишь большой квадратный блок, на одной из сторон которого изображена следующая сцена: двое бородатых крестьян в плащах и с кошельками в руках стоят перед столом, за которым сидит человек в тунике и смотрит в счетную книгу. Другой, одетый так же, высыпает на стол деньги, принесенные одним из пришедших, который уперся обеими руками в стол и наблюдает за подсчетом. Второй крестьянин стоит за ним в ожидании очереди ¹¹⁹.

Следует ли видеть в этих сценах внесение колонами арендной платы, или что-нибудь другое, например выплату налогов, или денежно-кредитные операции, точно сказать трудно, и тут без дополнительных свидетельств допустимы только догадки.

Тем не менее, они наводят на мысль о возможности денежной аренды, так как свидетельствуют совершенно определенно о роли денежных отношений. Из кадастровых документов Аравизиона, римской колонии в Нарбонской Галлии, относящихся к I—II вв., известно, что поземельный налог с арендуемых земель взимался там исключительно в денежной форме ¹²⁰. Для прирейнских областей, откуда происходят рассмот-

¹¹⁵ E s p e r a n d i e u, ук. соч., V, № 4102.

¹¹⁶ Там же, VI, № 5142.

¹¹⁷ Там же, № 5148.

¹¹⁸ Там же, № 5175; см. также № 5156.

¹¹⁹ E s p e r a n d i e u, ук. соч., XI, № 7725; ср. V, № 4037. Аналогичные сцены отражены в барельефах надгробий, происходящих из «Люксембурга» (там же, V, № 4148, 4149) и из общины сантонов (там же, II, № 1341).

¹²⁰ A. P i g a n i o l, Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange, XVI-e supplement à «Gallia», P., 1962. См. также нашу рецензию на эту работу в ВДИ, 1965, № 2, стр. 168—174.

ренные нами барельефы, особенно характерно развитие товарно-денежных отношений в связи с тем, что близость расположения пограничных римских легионов была мощным стимулом хозяйственного развития местных вилл на товарной основе.

Таким образом, не настаивая на том, что описанные нами сцены надгробных барельефов позволяют говорить о платеже колонами арендной платы деньгами, мы все же не исключаем для Галлии изучаемого времени денежной формы арендных обязательств колонов.

Итак, рассмотренные нами эпиграфические и археологические данные отражают в известной мере социальный состав работников, занятых в сельском хозяйстве Галлии I—III вв.

Они свидетельствуют о том, что в сельском хозяйстве изучаемого времени использовался труд работников самого различного социального состояния: рабов, вольноотпущенников, клиентов, колонов и, по всей вероятности, наемных лиц, привлекавшихся, как и предписывали античные агрономы, преимущественно на сезонных работах.

Перечисленные формы зависимости в различных областях Галлии и в разное время имели не одинаковое значение.

Труд рабов, хотя и проследживается во всех трех галльских провинциях, но со всей определенностью можно о нем говорить только применительно к областям активного взаимодействия с римско-италийскими элементами: такими, как Нарбонская Галлия, наиболее романизированные общины Кельтики, Юго-Восточная Аквитания, области медпоматриков и треверов (особенно окрестности Трира) в Белгике, и некоторые места Прирейнской Галлии. Рабов обнаруживаем здесь главным образом в виллах I—II вв., преимущественно небольших или средних размеров.

За пределами перечисленных местностей рабский труд в сельском хозяйстве, видимо, не нашел сколько-нибудь широкого применения. В этой связи обращает на себя внимание факт, отмеченный Е. М. Штаерман, что при широком в общем распространении местных культов среди земледельческого населения Галлии, о чем свидетельствуют многочисленные глиняные статуэтки соответствующих божеств, в надписях рабов эти боги упоминаются крайне редко¹²¹. Это обстоятельство, очевидно, не случайно и было обусловлено не только неграмотностью сельских рабов, но и сравнительно их немногочисленностью. К этому следует прибавить, что в Галлии посвящения богу Сильвану, одному из самых почитаемых среди сельских рабов и простых труженников, значительно уступают в числе посвящениям другим богам, например, Меркурию, Росмерте, Юпитеру, Минерве.

Рабство, наблюдавшееся по нашим источникам, главным образом, в виллах, в некоторых случаях имело тенденцию вытеснить прежние, старокельтские формы эксплуатации, но никогда и нигде не вытеснило их до конца. В некоторых хозяйствах наблюдалось сочетание рабства с прежними кельтскими формами зависимости и, возможно, даже преобладание последних, особенно в отдаленных от Рима северо-западных областях и общинах, мало романизированных, где отмечается существование родоплеменных пережитков на протяжении всего изучаемого нами периода¹²².

О живучести и распространенности кельтской клиентелы свидетельствует то обстоятельство, что эти отношения не были изжиты даже в выпенеченных, наиболее романизированных областях. Рассмотренные надписи, свидетельствующие о зависимости сельчан от богатых муниципалов, посессоров, отражают продолжающееся развитие этой формы зависимости и ее значение в I—III вв.

Колонатные отношения, зафиксированные нашими источниками преимущественно для крупных имений в тех же, наиболее романизированных, как южных, так и северо-восточных областях Галлии, относятся к более позднему времени, чем рабовладель-

¹²¹ Штаерман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 168.

¹²² См. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 176; 182—184; она же, Мораль и религия..., стр. 23—25, 38—40, 43.

ческие виллы, и отражают, таким образом, общую тенденцию развития рабовладельческого строя в этот период.

В этой же связи следует рассматривать и вольноотпущенничество. В I—II вв. оно знаменует собой развитие рабовладельческих отношений в Галлии, а позднее превращается в один из источников колоната, ярким примером чего могут служить уже упоминавшиеся села в Белгике, заселенные отпущенниками.

Н. Н. Белова

EPIGRAPHICAL AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE ON FORMS OF DEPENDENCE IN THE AGRICULTURE OF ROMAN GAUL, I—III CENTURIES

by N. N. Belova

Inscriptions from rural areas seldom contain direct information on the use of slave labour in agriculture. However, they rather often mention slaves and freedmen, which suggests a definite development of slave relations in the *civitates* of these districts and justifies the conjecture that, at least in some cases, the slaves and freedmen mentioned were employed in agricultural work. A strong argument in favour of this conclusion is the fact that these inscriptions are found in the same area in which the medium-sized villa (the typical form of the agricultural unit exploiting slave labour) is also often found. Direct evidence of the employment of slave labour in agriculture is provided by the ruins of several such villas, from which may be reconstructed the plan of the farm buildings, among them the slave quarters and storerooms for agricultural implements, etc. Stocks for punishing slaves, and remains of *ergastula*, are also found in these ruins.

Traces of the exploitation of slave labour appear in all three of the Gallic provinces, but are most unambiguously revealed in the highly Romanised *civitates* of southern, central and northeastern Gaul, the regions which came under the direct and active influence of Italico-Roman slave institutions.

The same sources attest the important role still played, throughout the three centuries under review, by the earlier Celtic form of dependence, the *clientela*. The *colonatus* also appears, but for the most part on large estates and the institution relates to a period later than the *floruit* of the villas worked by slave labour.

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

(На примере литературы об «Евангелии от Фомы»)

Любой исторический труд вызывает к себе интерес двоякого рода: предметом размышлений может стать как содержание суждений автора, так и способ, которым он к ним пришел. Задумываясь над содержанием труда, над его основными идеями, над смыслом употребляемых понятий, мы нащупываем в нем более или менее явные следы влияния общего мировоззрения автора. Хотя сказывается это всегда по-разному — одни черты мировоззрения выступают на первый план, другие остаются в тени, — все же система общих идей, априорных для данного исследования, составляет основу, на которой оно вырастает. Именно она в значительной мере определяет то, как будут поняты автором источники, она как бы сообщает направление их интерпретации, создает границы ее.

Исторический труд привлекает внимание не только своим конкретным содержанием. Источниковедческие приемы автора, последовательность логических операций, вся структура исследования — то, что в сочинении не существует вне конкретного содержания, — может быть отделено нами от этого последнего и подвергнуто анализу.

Многоплановость исторического произведения, соответствующая разнообразию тех точек зрения, с которых мы его изучаем, должна предостеречь от однозначных оценок. Мы можем, не соглашаясь с идеями того или иного автора, следовать некоторым из его методических приемов или, разделяя в отдельных случаях его общен историческую концепцию, разойтись с ним в способах работы с источником, в ходе рассуждений и выводах.

Открытие всякого нового исторического источника двояким образом влияет на науку. Во-первых, ставший доступным документ заставляет ученых в большей или меньшей степени изменить и углубить содержание их представлений о том или ином факте, событии, явлении. Во-вторых, в процессе изучения документа совершенствуется и логическая сторона исторического исследования, его методика. Поэтому обширная зарубежная литература, обязанная своим появлением открытию в 1945—1946 г. близ совр. деревни Наг-Хаммади (древн. Хенобоскион) коптско-гностических рукописей, которые знакомят нас с идейной атмосферой, религиозными поисками и чувствами людей первых веков нашей эры, — эта литература интересна не только с точки зрения ее содержания, но и с методической стороны.

Круг приведенных примеров ограничивается литературой, посвященной одному памятнику — «Евангелию от Фомы», занимающему среди найденных близ Наг-Хаммади евангелий, религиозных трактатов, откровений, диалогов, деяний исключительное место. Все в этом памятнике — сравнительно ранняя датировка кодекса, в котором дошло до нас евангелие (знатоки коптской палеографии колеблются между серединой III и V веком¹), отличная сохранность текста («Вот тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома» — так начинается евангелие²) — не могло не вызвать острого интереса у тех, кто занимается историей раннего христианства. Перед исследователями встала задача интерпретировать новый источник, сумевший пролить свет на один из наиболее темных периодов в многовековом существовании христианской религии. В сочинении, претендующем на изложение тайного учения Иисуса и отвергнутом церковью, ученые вот уже два десятилетия ищут ответы на многочисленные вопросы, касающиеся идейного развития раннего христианства.

Нас занимает здесь по преимуществу методика работ, рассматривающих «Евангелие от Фомы».

Среди исследователей «Евангелия от Фомы» немало лиц, связанных с конфессионализмом различного толка. Это обстоятельство в той или иной мере определяет угол их зрения, отбор изучаемых вопросов, способы анализа, содержание отдельных суждений. Но, как уже говорилось, исторический труд неоднороден, и потому следует как можно внимательнее рассмотреть его, чтобы сказавшиеся в нем особенности авторского мировоззрения не заслонили от нас других достоинств или недостатков труда. Без внимательного рассмотрения специальной литературы невозможно дальнейшее изучение памятника: как методика будущего исследования, так и конкретная тематика его могут быть выработаны лишь на основе критического освоения того, что уже было сделано в этом направлении. К тому же этот анализ может быть полезен и для уяснения некоторых более общих явлений в развитии современной историографии раннего христианства, а также для уточнения тех методических принципов, которые следует применять при работе с источниками по истории раннего христианства.

Начнем с тех методов в библистике, которые оказали очень сильное влияние на зарубежную литературу, посвященную новооткрытому евангелию, с так называемых критики текста и критики формы. Ближайшая область, в которой названные методы

¹ Apocryphon Iohannis, the Coptic Text of Apocryphon Iohannis in the Nag Hammadi Codex II with Translation, Introduction and Commentary by S. Giversen, Copenhagen, 1963, стр. 16.

² Ев. от Фомы, 80, 10—12.